

ДУРИНОВА ГАЛИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА

СЛОВО КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ:

***ГРАЖДАНИН И ОБЩЕСТВО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII-
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.***

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2015

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ревзина Ольга Григорьевна

Официальные оппоненты: **Евтушенко Ольга Валерьевна,**
доктор филологических наук, профессор по
специальности «русский язык» ФГБОУ ВО
«Московский государственный
лингвистический университет»

Ким Игорь Ефимович,
доктор филологических наук, главный
научный сотрудник сектора русского языка
в Сибири ФГБУН «Институт филологии
Сибирского отделения РАН».

Ведущая организация: ФГБУН «Институт русского языка имени
В.В. Виноградова РАН»

Защита диссертации состоится «9» декабре 2015 г. в _____ на
заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по
адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В.
Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и на
сайте филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова» (адрес сайта:
<http://www.philol.msu.ru>).

Автореферат разослан « » _____ 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Е. В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено истории социально-политических значений слов *гражданин* и *общество* в русском языке второй половины XVIII-первой трети XIX в. С нашей точки зрения, констатировать наличие социально-политического значения у слов *гражданин* и *общество* возможно тогда, когда данные слова являются номинациями правового субъекта. Выбор этих слов в качестве **предмета исследования** не случаен: на протяжении названного периода слова *гражданин* и *общество* подвергаются существенным семантическим изменениям, становясь ключевыми понятиями формирующегося социально-политического языка. **Объектом исследования** является русский социально-политический язык второй половины XVIII-первой трети XIX в. – решающий период в истории русского литературного языка, характеризующийся значительными преобразованиями лексико-понятийной системы. В этот период была решена историческая задача синтеза генетико-стилистических пластов и создания единой общенациональной формы¹. Рассматривая «процесс европеизации» русского литературного языка во второй половине XVIII в., акад. В.В. Виноградов специально останавливается на вопросе о «приспособлении» русской литературной речи к выражению западноевропейских понятий². В этом процессе ведущая роль принадлежит русско-французским языковым контактам, определившим как возможные механизмы рецепции западноевропейских политических концептов, так и существенные расхождения в осмыслении этих понятий в русскоязычной языковой картине мира.

Истории слов и понятий *гражданин* и *общество* посвящены многочисленные работы и, однако же, главнейшие вопросы в истории значений этих слов остаются **нерешенными**. Так, из существующих исследований мы узнаем, что «во второй половине XVIII в. понятие “гражданин” имело

¹ См.: Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII-XIX вв. М., 1982; Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). М., 2002; Живов В.М. Язык и культура России XVIII в. М., 1996.

² Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII-XIX вв. М., 1982. – С. 161.

политически нейтральное содержание и употреблялось для обозначения городских жителей»³, а «к началу XIX в. в неофициальных текстах понятие “гражданин” активно использовалось и обозначало любого подданного»⁴. В это же время «вдруг» появляется совершенно революционное значение: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо... есть *подданные*, но нет *граждан*» (Н.И. Панин).

При всей ясности подобного изложения оно представляет больше вопросов, нежели ответов: каковы отношения между лексемами *горожанин* и *гражданин*? Почему, расподобляясь, синонимы *подданный* и *гражданин* оказались терминами «старого» и «нового» политического лексикона соответственно? Речь идет не о принятии «европейских принципов верховенства закона и равенства гражданских прав»⁵ (а именно такой ответ мы получим в любом из исторических исследований становления семантики этого понятия). Речь идет о смысловом потенциале слов *гражданин* и *подданный* и о том выборе, который свершился в оформляющемся русском социально политическом языке: ведь слово *подданный* само по себе не связано с «государевой волей» и могло быть переосмыслено в сторону ‘подвластный закону’ (и это, например, произошло с французским словом *sujet* в первой трети XIX в.) – и, тем самым, стать выразителем понятия о правовом субъекте. Но, однако же, эта судьба была уготована именно слову *гражданин*. Чем объясняется этот выбор, произошедший в языке?

При анализе изменений в семантике слова *общество* авторов исследований, как правило, интересуют «словоупотребления, которые...отражают характерные для российского Просвещения изменения в умах и в социальной реальности»⁶. На наш взгляд, при такой установке самые

³ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Челябинск, 2011. – С. 75.

⁴ Там же. – С. 77.

⁵ Там же. – С. 17.

⁶ Каплун В. Общество до общности: «общество» и «гражданское общество» в культуре российского просвещения // От общественного к публичному. СПб., 2011. – С. 401.

ценные для лингвиста данные часто остаются «за бортом» исследования. Так, приводя пример из «Писем русского путешественника» М.Н. Карамзина (*Лозаннские общества отличаются от бернских, во-первых, тем, что в них всегда играют в карты*), автор тут же отказывается от этого примера: «Эти значения достаточно очевидны для XVIII века, и я не буду на них останавливаться...меня интересует категория “общества”...как термин»⁷. Но не следует ли, напротив, задаться вопросом: чем, собственно, отличаются лозаннские общества от гражданских? Иначе говоря, если объяснение семантики сочетания *гражданское общество* исключает объяснение сочетания *лозаннское общество* как «неинтересного» и, своего рода, лишнего, то и не столь многое объяснено.

Такой постановкой вопроса, во многом полемичной по отношению к существующим подходам к истории понятий, определяется **актуальность** диссертационного исследования. В исторической семантике назрела необходимость разработки современного метода анализа истории слов и понятий социально-политического языка. Это определило **новизну** исследования. В настоящей работе впервые представлены этапы развития исторической семантики, выработан комплексный лингвокогнитивный метод анализа истории слов и понятий и разработаны историко-когнитивные модели семантической структуры слов *гражданин* и *общество*.

Материал проведенного исследования составили законодательные акты от древнерусского периода до «Свода законов Российской империи» М.М. Сперанского (детально рассматриваются: «Генеральный регламент» Петра I, «Грамота городам» и «Наказ» Екатерины II), проекты государственного реформирования (Н.Н. Новосильцева и др.), публицистические тексты А.Н. Радищева, Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина, М.М. Щербатова и др. (в т.ч. материал журналов «Трутенъ», «Живописец»), конституционные проекты XVIII-н. XIX вв. (проекты Верховного тайного совета 1730 г., проекты Д.И. Фонвизина

⁷ Там же.

и Н.И. Панина, А.А. Безбородко и др.), проекты государственного устройства П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева, мемуарные, эпистолярные и поэтические тексты декабристов.

Также к исследованию привлекается обширный материал русских и французских толковых словарей: СРЯ XI-XVII вв. (Словарь русского языка XI-XVII вв.), СРЯ XVIII в. (Словарь русского языка XVIII в.), СДРЯ XI-XIV вв. (Словарь древнерусского языка XI-XIV вв.), СЦРЯ (Словарь церковнославянского и русского языка, 1847), САР (Словарь Академии Российской, 1789-1794), «Материалы для словаря древнерусского языка...» И.И. Срезневского, Trévoux 1740 («Dictionnaire universel français...»), TLF (Trésor de la langue française XIX-XX), AF (разные издания словаря Académie française), DUSP («Dictionnaire des usages socio-politiques» - французский язык периода революции). Используются материалы этимологических словарей М. Фасмера, П.Я. Черных, Г.П. Цыганенко, Le Robert, словарей латинского языка (О.А. Петрученко и др), французско-русских словников («Полный французский и российский лексикон...», 1786), используются данные СБРИО («Сборник Русского исторического общества», т. X).

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы произвести комплексное описание истории слов *гражданин* и *общество* в русском литературном языке второй половины XVIII - первой трети XIX вв. с позиций современной исторической семантики. В диссертации ставятся следующие **задачи**:

- Представить основные идеи и методы анализа значения слова в исторической семантике.
- Дать общую характеристику и определить специфику русского социально-политического языка второй половины XVIII - первой трети XIX в.
- Проследить употребление слов *гражданин* и *общество* в русском дискурсе второй половины XVIII - первой трети XIX в. в их взаимодействии с

соответствующими французскими терминами и выявить свойственному каждому из этих слов темпоральную семантику.

Современные отечественные исследования по когнитивной семантике (прежде всего – С.М. Толстая, Г.И. Кустова, Е.В. Рахилина, Анна А. Зализняк) наряду с классическими теориями исторического развития языка Г. Пауля, М.М. Покровского, А.А. Потебни, концепция исторической лексикологии В.В. Виноградова, а также исследования в области Begriffsgeschichte (в варианте основоположника этого направления Р. Козеллека) составили **методологическую базу** исследования.

На сегодняшнем этапе развития направления истории слов как части исторической семантики русского языка четко выделилась назревшая необходимость в раскрытии возможностей семасиологического подхода от слова к понятию в единстве с ономасиологическим. В соединении этих двух подходов заключена специфика **метода** настоящей работы.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в нем интегрируются методы исторической семантики, лингвистической семантики и когнитивных исследований, вырабатывается комплексный подход к анализу семантических изменений слова, объединяющий ономасиологический и семасиологические подходы.

Существенным представляется и то, что «исследование истории литературного языка создает базу для историко-идеологического словаря русского языка»⁸. Создание такого словаря – вторая назревшая необходимость, диктуемая вызовами науки и социально-культурными потребностями социума. Кроме того, материал настоящего исследования может использоваться в общих и специальных курсах по лексической семантике, по истории русского литературного языка и лексикографии. Все это определяет **практическую ценность** исследования.

⁸ Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // История слов. М., 1999. – С. 4.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) На протяжении второй половины XVIII-начала XIX вв. слово *гражданин* переживает существенные семантические преобразования: происходит разрыв синонимической связи со словом *горожанин*, и *гражданин* получает возможность передавать понятие о правовом субъекте. Другое преобразование состоит в том, что *гражданин* становится носителем специфически русского морально-этического концепта.

Эти изменения осуществляются в социально-политическом дискурсе в процессе реализации смыслового потенциала слова, определяемого системными свойствами лексемы *гражданин*.

2) Системные свойства лексемы *гражданин* определяются соотношением церковнославянского и русского языков в истории русского литературного языка. На протяжении XVIII века в законодательных текстах происходит расподобление форм *горожанин* и *гражданин* – и именно последняя приобретает терминологический статус. Там, где такого расподобления не происходит, не возникает и термина для обозначения правового субъекта.

Постепенное расподобление форм *гражданин* и *горожанин* и сопутствующий этому расподоблению процесс формирования стилистической системы русского языка определили возможность слова *гражданин* передавать стилистический смысл ‘возвышенность’ и вступать в сочетаемость со словами, не связанными с терминологическим значением правового субъекта, вследствие чего *гражданин* – это субъект мышления, субъект эмоциональных переживаний, носитель нравственных качеств (ср.: *мыслящий гражданин*, *святая ревность гражданина*, *мужество граждан* – в поэтических текстах декабристов).

3) Исторические преобразования происходили под влиянием европейского социально-политического дискурса, в частности, французской системы социально-политических терминов. Впервые соотнесенное с французским *citoyen* в тексте «Наказа» Екатерины II, слово *гражданин* стало реципиентом политической семантики французского термина и было поставлено в связь с

понятием закона (*Равенство всех граждан состоит том, чтобы все подвержены были тем же законам*). Этот процесс получил развитие в публицистическом дискурсе второй половины XVIII в., где *гражданин* коннотативно передает смыслы соответствующего французского термина (*все под знаменитым именем Гражданина предстоять должны*).

4) Формирование семантики слова *гражданин* именно как термина русского социально-политического языка происходит в текстах политических проектов декабристов: слово получает дефиницию (*Граждане суть жители Российского государства, которым предоставлены права гражданства*) и становится словообразовательной базой для создания социально-правовой терминологии (*русский негражданин*).

5) На протяжении периода второй половины XVIII-начала XIX вв. слово *общество* подвергается существенным семантическим преобразованиям, в результате которых осуществляется переход от конструкций типа *обороняться обществом* ('сообща'), *общество блага* ('благо всех') к употреблению типа *гражданское общество имеет целью своего существования возможное благоденствие всех и каждого* (П.И. Пестель). Сущность этого перехода заключается в обретении словом *общество* позиции синтаксического субъекта, а также в определении «состава общности» (*гражданское*) – что делает *общество* термином социально-политического лексикона.

6) Социально-политическое значение делается возможным в условиях реализации концептуальной схемы «человек»⁹. Употребление слова *общество* в синтаксической позиции субъекта – следствие реализации этой концептуальной схемы, которая воплощается и в иных синтаксических структурах. Об этом свидетельствуют употребления слова *общество* в позиции агентивного дополнения в конституционных проектах 1730 г. Выделяются два типа таких конструкций: а) *обществом выбирается* ('выбирается сообща, всеми вместе,

⁹ «Мы говорим о “справедливом обществе”, “миролюбивой нации” и “злой империи”, как если бы им были присущи человеческие качества». Lakoff J. Указ. соч. – С. 204.

одновременно'), б) *обществом сочиняется* ('обществом постановляется'). Конструкции типа (а) не допускают трансформации в прямую диатезу без потери смысла 'каждый выбирает', а конструкции типа (б) такую трансформацию допускает (*общество сочиняет*), ввиду того, что глагол *сочинять* ('постановлять') – перформатив. Поэтому *общество* в конструкции (б) - это не совокупность «каждого из», а «соборное лицо». Употребление перформатива свидетельствует о реализации концептуальной схемы «человек».

7) На социально-политическую семантику слова *общество* французский концепт *société* повлиял в крайне малой степени. Систематически соотнесенное с этим французским термином в «Наказе» Екатерины II, слово *общество* лишено социально-политической семантики, что отражается в конструкциях из двух элементов (*общество соединенное*), где *общество* не имеет самостоятельного значения. Невозможность прямой рецепции значения французского термина объясняется предельно широкой семантикой русского корня *-общ-*, определившего специфику смысловой структуры слова *общество*.

8) История значений слова *общество* может быть раскрыта через анализ заложенных в семантике его корня когнитивных схем. Базовой когнитивной схемой признается схема круга (к идее которого отсылает этимология слова). Схема «круг» обладает параметрами «внутри» и «вне» (инклюзивность/эксклюзивность) и предполагает позицию Наблюдателя (с точки зрения которого осуществляется «очерчивание круга» - выделение той или иной общности)¹⁰. Введение данных параметров позволяет объяснить употребления слова *общество* в языке рассматриваемого периода: инклюзивность – включенность Наблюдателя в «круг» (*наше общество, свое общество*), название состава общности (*общество юношей, благородное общество*). Эксклюзивность - представление *общества* как вместилища (*жить*

¹⁰ Сущность понятия Наблюдателя можно прояснить на следующем примере из языка XV века: *общейший* – 'относящийся к возможно большому числу людей'. Значение слова можно представить как умозрительное начертание круга, охватывающего максимально большее количество людей, то есть максимально большой круг. Слово «указывает» на субъектно-объектную структуру: кто очерчивает круг и то, что подвергается очерчиванию.

в обществе, вступать в общество»), как типа связи (общества между благородными, общество не в обжирании состоит), метафорическое представление общества как человека (концептуальная схема «человек») - душа общества, мысли общества.

9) Наиболее полное представление когнитивной схемы «круг» *общество* получает в социально-политическом языке декабристов. Так, в «Русской правде» П.И. Пестеля, где конструкция типа *Члены всякого общества могут единодушно согласиться в цели* сочетает в себе обе позиции наблюдателя - инклюзивность (актуализован параметр 'состав' – *члены общества*) и эксклюзивность (отстраненная позиция наблюдателя – *всякое общество*) – исчерпывает потенциал когнитивной схемы круга – что приводит к стабилизации смысловой динамики слова *общества* в качестве термина социально-политического языка.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в публикациях журналов из списка ВАК: «Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (Государство и общество)» (2015, №1), «Вестник ПСТГУ. III: Филология» (2015, Вып.1), «Philologos» (2015, Вып.3/26), а также в журналах: «Русская филология» (2014, Вып. 25.), «Социологическое обозрение» (2015, Вып. 14, №1).

Результаты исследования были обсуждены на конференциях: «XX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов”» (Москва, 2013), «Международная конференция молодых филологов» (Тарту, 2013), «Векторы развития современной России» (Москва, 2014), «XXI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов”» (Москва, 2014), «Язык и политика» (Москва, 2014), «History of political thought» (Лондон, 2014), «History of concepts: Conceptualisation of the communication» (Билефельд, 2014), «Проблемы современной лингвистики» (Санкт-Петербург, 2015).

Объем и структура работы. Работа состоит из **Введения**, двух частей и пяти глав, **Заключения**, **Библиографии**.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении**, состоящем из 4 параграфов, дается развернутое обоснование проблематики исследования и научного контекста, в котором она сформировалась. История социально-политических понятий различных европейских языков, ставшая во второй половине XX века предметом исследований направления *Begriffsgeschichte*, не располагает разработанным лингвистическим аппаратом и должна стать предметом современной исторической семантики. Во Введении обосновывается научная новизна и актуальность работы, ее практическая и теоретическая значимость, формулируются цель и задачи, объект и предмет исследования, описываются примененные методы, приводится общая структура диссертации.

Часть I - «Идеи и методы исторической семантики: от слова к понятию и от понятия к слову» - посвящена изложению и критическому осмыслению концепций исторической семантики, предлагаемой лингвистической и исторической науками. В **Главе 1** обосновывается несостоятельность «факторной модели» языковых изменений (§1), освещается «лингвистический дискурс» о семасиологических процессах в слове - детально анализируются взгляды Г. Пауля, А.А. Потебни, М.М. Покровского (§2), рассматривается теория исторической лексикологии В.В. Виноградова и предложенный им проект исторического словаря в свете современных исследований по когнитивной семантике (§3, 4).

В соответствии с «факторной моделью» языковых изменений следует считать, что «язык оставался бы неизменным, если бы не вмешивались внешние факторы неустойчивости»¹¹. Разумеется, понимание того, что «процесс созидания языка не исчерпывается его ответной перестройкой в связи с... прогрессом общества»¹², не является новым. Но в качестве альтернативы этой «ответной перестройке» языка («внешний» фактор) каждый раз называются

¹¹ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. – С. 144.

¹² Кубрякова Е.С. Место вопроса о языковых изменениях в современной лингвистике // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. – 197.

такие («внутренние») факторы, как «усовершенствование языковой техники», «устранение противоречий в организации конкретных языков»¹³ и т.п. Эти внутренние факторы изменений определяются так называемыми языковыми антиномиями — имманентными противоречиями в языке, создаваемыми оппозициями говорящего-слушающего, узуса-системы, кода-текста, асимметрии плана выражения и плана содержания, информационной и экспрессивной функций языка¹⁴.

В.В. Виноградов, признавая необходимость изучать слова не в изоляции друг от друга и не в отрыве от истории культуры, настаивает, однако, на *автономности* и *самоценности* отдельного слова как самостоятельного и объективного языкового факта. Залог семантического динамизма В.В. Виноградов усматривает в заложенном *семантическом потенциале* отдельного слова, обуславливающего его непрерывность во времени. В.В. Виноградов определяет *исторический словарь* как совокупность «семантических историй» отдельных слов, по существу представляющих собой когнитивные модели языковых изменений. Проблема разработки теоретических основ и накопление материала для такого словаря представляется Виноградовым одной из центральных проблем лингвистической науки.

В **Главе 2** рассматривается концепция «темпоральной структуры понятия», сформулированная в рамках направления *Begriffsgeschichte*, или истории понятий (§1), анализируется опыт составления словарей социально-политических понятий французского языка (§2), рассматривается методика анализа социально-политических понятий, используемая в исторической науке (§3), предлагается осмысление идей *Begriffsgeschichte* в свете лингвистической науки (§4), делаются выводы по Части I (§5).

Ключевой идеей *Begriffsgeschichte* является признание непосредственной связи между семантической структурой исторического понятия и формой

¹³ Там же.

¹⁴ Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М., 2007. – С. 18-21.

умополагания и проживания исторического времени. Исторические понятия, обладающие «темпоральной структурой», открывают доступ к «исторической темпоральности». С точки зрения Р. Козеллека, «семантическая структура исторических понятий определяется...напряжением, возникающим между их по-разному ориентированными во времени элементами, которые он называет соответственно “областью опыта” и “горизонтом ожидания”, иными словами, между обобщенным в понятии наличным бытием и проектом будущего, который оно пытается навязать как естественный порядок вещей»¹⁵.

О. Г. Ревзиной был поднят вопрос о продуктивности применений идей *Begriffsgeschichte* именно для лингвистики: «Изучение эволюции исторических концептов было важно для Р. Козеллека не само по себе (в конце концов тот факт, что понятие государства не совпадает в разные исторические эпохи и в разных странах, достаточно самоочевидно), а именно с точки зрения истории и ее времени. Здесь ключевым является вывод Р. Козеллека о том, что основные историко-социальные понятия — это не только «индикаторы», но и факторы исторических изменений. Эти два положения Р. Козеллека могут, быть распространены на изучение языка. Его история, в том числе историческая лексикология, всегда ориентированы на хронологическое время <...> Вопрос о “специфическом языковом” времени, если перефразировать Р. Козеллека, даже о наличии такового фактически не ставится»¹⁶.

Синтез подходов *Begriffsgeschichte* и традиционной исторической лексикологии не может заключаться в суммировании их методологий, но требует их взаимной «переплавки», устраняющей, строго говоря, несовместимые противоречия. Пафос описания темпоральной структуры понятия в работах Р. Козеллека направлен на моделирование «динамической картины исторического становления современного разума»¹⁷. В этом свете перед исторической

¹⁵ Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. – С. 55.

¹⁶ Ревзина О.Г. Темпоральная структура концепта // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. М., 2013. – С. 190-191.

¹⁷ Копосов Н.Е. Указ. соч. – С. 58.

семантикой ставится проблема эволюции мышления и переорганизации картины мира, раскрывающаяся через семантические истории отдельных слов.

В отличие от «списочного» подхода к полисемии в структуралистской парадигме и «статического характера концепций когнитивных наук»¹⁸, интеграция семасиологического и ономасиологического подходов направлена на исследование *темпоральной семантики* слова. Не отвергая классических представлений о структуре лексического значения, согласно которым «смысловая структура слова предполагает определенную взаимосвязь и иерархию значений»¹⁹, а «непустое пересечение трех значений А, Б и В... называется инвариантом»²⁰, темпоральная семантика предлагает иной, более конкретный, взгляд на проблему изменения значения слова. Темпоральная семантика отвечает на вопрос о том, как возникает то или иное значение, исходя из семантико-синтаксических возможностей слова.

Часть II – «Русский социально-политический язык второй половины XVIII-первой трети XIX вв.» посвящена анализу функционирования слов *гражданин* и *общество* в языке законодательно-правовых актов, в языке публицистики, художественных текстов и переводной с французского языка политической литературе. В **Главе 3** описываются особенности русского социально-политического языка (§1), выделяются основные тенденции изменений в лексике в рассматриваемый период (§2), анализируется употребление слов *гражданин-citoyen* и *общество-société* в русском и французском тексте «Наказа» Екатерины II (§3, 5), приводится краткая история слов *citoyen* и *société* (§4), обосновывается целесообразность различения двух «осей» социально-политического языка – «официальной», воплощающейся в законодательно-правовых актах, и «неофициальной» - присущей критически

¹⁸ Там же.

¹⁹ Новиков Л.А. Лексикология // Современный русский язык. Под ред. В. А. Белошапковой. М., 2011. – С. 211.

²⁰ Кронгауз М.А. Семантика. М., 2001. – С. 152.

настроенным по отношению к государственному режиму политическим мыслителям эпохи (§6).

В период второй половины XVIII- первой трети XIX вв. социально-политический дискурс существовал в форме двух различных «языков», которые условно обозначаются как «официальная» и «неофициальная» оси. Две оси социально-политического языка характеризуются различным словарным составом. В официальном языке представлены синонимичные лексемы (*подданные-граждане-народ-люди*), которые являются омонимами по отношению к лексемам «неофициального дискурса» (*подданный* vs *гражданин*). Совпадая в общей противопоставленности значениям официального дискурса, значения одних и тех же слов рознятся в системах отдельных идиолектов политических мыслителей эпохи.

В диссертационном исследовании значимость одного из ключевых текстов XVIII в. – «Наказа» Екатерины II – впервые раскрывается с точки зрения языка этого документа. Продемонстрирована роль французского первоисточника, послужившего «прецедентным текстом» и определившего языковые стратегии создания системы русских политических концептов. В качестве примера приведем различие по категории числа у слов *гражданин* и *citoyen* в русском и французском тексте. 1) французскому единственному числу соответствует русское множественное (ср. «сердце граждан» и «sœur du Citoyen», «безопасность граждан» и «sûreté du Citoyen»); 2) русскому единственному числу соответствует французское множественное («жизнь каждого гражданина» - «la vie des citoyens»). В первом случае множественное число для русского слова свидетельствует о его слабой терминологизированности. Слово остается номинацией множества людей, не предполагая особого референта – субъекта политико-правового дискурса. Во втором случае множественное число французского слова означает, что номинации *гражданин* подвержены разные «категории людей» - люди не

разъединены тем, кто называется *гражданином* или нет, а самые разные люди соединены в этой номинации.

Анализ употребления слова *общество* показал, что оно не имеет социально-политического значения, а употребляется для номинации политически не активных и всецело зависящих от воли государя *людей* (*Люди, обществом живущие*).

В Главе 4 анализируются генетические характеристики слова (церковнославянское *гражданин* – русское *горожанин*) для формирования социально-политического концепта *гражданин* (§1), обосновывается утверждение об отсутствии позиции для выражения правового субъекта в древнерусских законодательно-правовых текстах (§2), анализируются ключевые для истории понятия *гражданин* документы XVIII в. – «Регламент» Петра I и «Грамота городам» Екатерины II (§3), анализируется употребление слова *гражданин* в «неофициальном дискурсе» второй половины XVIII в. (§4), описывается взаимодействие понятий *гражданин* и *государь* в текстах политических мыслителей второй половины XVIII в. (§5), рассматривается употребление слова *гражданин* в политических проектах декабристов (§6), анализируется процесс формирования морально-этического концепта *гражданин* в поэтических текстах декабристов (§7).

Базовая для русской культуры оппозиция «церковнославянизм-русизм» является определяющей для формирования понятия о гражданине как о правовом субъекте. В отличие от ситуации, описанной В.М. Живовым²¹, при которой церковнославянский и русский варианты обслуживали два «разных» права, а впоследствии славянизмы стали вытеснять русизмы на уровне терминологии, пара *горожанин-гражданин* не функционировала в законодательных текстах. Это объясняется отсутствием семантической позиции правового субъекта в древнерусских законодательных текстах. Участники правовой ситуации, по-видимому, вплоть до «Уложения» 1649 г.

²¹ Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002.

рассматривались как участники конкретных, а не обобщенных ситуаций. (не имели специального терминологического обозначения: (*Оже будет...то, Аже кто...то, Аще будет...то*)).

В «Уложении» система социально-административной иерархии вырисовывается гораздо более отчетливо, получая лексическое выражение. Показательно, однако, что элементом, несущим дифференцирующий признак, является атрибут, а базовым (константным) элементом термина является слово *люди*:

Приказные Ратные Городовые Служилые Всяких чинов	люди
--	------

Существенные изменения в коммуникативной структуре законодательного текста происходит в «Регламенте» Петра I. Единый синонимический ряд составляют такие номинации: *градские жители, гражданские жители, градские люди, гражданин, мещанин*. В соответствии с первым типом выстраивается следующая терминологическая система (в скобках представлены контекстуальные синонимы):

люди (подданные, слуги, рабы)	Градские люди (обыватели, жители)	граждане	первостепенные граждане (знатные граждане, 1 гильдия)
			регулярное гражданство (подлое гражданство, 2 гильдия)
		подлые люди	
		Иностранные	
	Духовенство		

Существенный сдвиг в коммуникативной структуре текста состоит в «обретении» адресата в самом тексте. Выделяются две модели отношений «власть-подданные», выражающихся дистрибуцией и характером сочетаемости слова *гражданин*:

Модель 1: власть – подданные ('обязанности')

Поборы	с граждан
Сборы	
Судити	граждан
Службы	гражданские
Начальство	гражданское

Модель 2: подданные - власть ('права')

Записаться	в гражданство
Польза	гражданская
Права	гражданские

Устранение механизма правового взаимодействия *гражданина* и власти происходит через аннигиляцию терминологического смысла пары *гражданин-гражданство* в тексте «Грамоты городам» Екатерины II. Семантический объем слова *гражданин* сужается вхождением в синонимический ряд: *граждане городов – обыватели – обитатели города – городовые обитатели – городовые мещане*.

Терминологизация слова в тексте «Регламента» и потеря понятийного содержания в «Грамоте городам» - все это создает своего рода конфликтную в лингвистическом отношении ситуацию, которая находит разрешение в противостоящем «дискурсу власти» жанре публицистики. Здесь раскрывается внутренняя динамика понятия, *гражданин* выступает как интертекстуальный знак и коннотативно передает смыслы, присущие семантике фр. *citoyen*. Так, отсылка к «женивскому гражданину» может исчерпываться прочтением имени Ж.-Ж. Руссо, а может декодировать целую полемику, развернувшуюся во Франции вокруг нового значения слова в выражении «*citoyen de Genève*» (и отраженную, например, в толковых словарях²²). Кроме того, слово *гражданин* обнаруживает стабильную «семантическую недостаточность», проявляющуюся в том, что значимые компоненты этого понятия выносятся в синтагму (*добрый гражданин*, «*мыслить как гражданин*», «*восстановить во звание гражданина*»).

²² См.: Branca-Rosoff S. Les mots de parti pris. Citoyen, aristocrate et insurrection dans quelques dictionnaires (1762-1798) // Dictionnaire des usages socio-politiques (1770-1815). V.3: Dictionnaires, normes usages. Paris, 1988. P. 47-75.

Однако эти компоненты не являются устойчивыми элементами значения – они всегда контекстуальны. Приведем примеры выделяемых функциональных моделей значения этого слова:

Модель	Пример
каузативная <стать>_	<i>Восстановление <земледельца> во звание гражданина; Родившись в свет вы стали граждане общества, в коем живете; Ибо гражданин, становясь гражданином, не перестает быть человеком</i>
модальная _ <должен делать>	<i>Яко часть общества должен ты сделать все то, что полезно человека...отсюда истекают должности гражданина; ...звание гражданина, коего душа должна быть благородна</i>
атрибутивная <какой>_	<i>полезный и добродетельный гражданин; бесполезные граждане; я пребыл добрый гражданин; скажи о истинный гражданин</i>
антонимическая _ VS ant.	<i>Где же произвол одного есть закон верховный, там есть подданные, но нет граждан; Коварство, пронырство...могут сделать отличного министра, но доброго гражданина николи.</i>

Гражданин получает терминологический статус в декабристских проектах политического устройства. Так, в «Конституционном проекте» Н.М. Муравьева (1825) это центральный термин: ему дается четкое определение, термин *гражданин* служит для устранения смыслов, связанных с сословной категоризацией: «Название однодворцев, мещан, дворян, Именитых Граждан заменяются все названием Гражданина или Русского»²³.

Специфическим концептуальным содержанием слово наполняется в литературных текстах декабристов (мемуары, прозаические и поэтические тексты Н. Бестужева, Ф. Глинки, В. Кюхельбекера, М. Лунина, П. Катенина, В. Раевского, К. Рылеева и др.), становясь моральным концептом и входя в дискурс о нравственном долге человека перед *отечеством*, *соотчичами* и *милой свободой*. Это происходит посредством создания поэтических неологизмов (*Гражданское мужество*), установления синонимических и антонимических рядов (*гражданин-человек*, *мужество граждáн* – *самовластие*). Слова социально-политического словаря сочетаются со словами, характеризующими душевные качества, эмоции, подлежащие оценке действия: *святая ревность*

²³ Конституционные проекты в России XVIII-XX в. (ред. Медушевский А. Н.) М., 2010. – С. 305.

гражданина, позорить гражданина сан, постыдное правосудье, строгий взор сограждан и др.

В **Главе 5** по данным исторических словарей выделяется типология значений корня *-общ-* в древнерусском языке XI–XVII в. (§1), вырабатывается лингвистический аппарат анализа структуры значения слова *общество* (§2), дается определение социально-политического значения слова *общества* (§3), анализируется употребление этого слова в конституционных проектах и переводах XVIII в. (§4), предлагается использование концептуальных схем (Дж. Лакофф) для анализа типологии значений слова *общества* в языке XVIII в. (§5), анализируется употребление этого слова в тексте «Русской правды» П.И. Пестеля (§6), характеризуются общие особенности развития семантической истории слова *общество* (§7), делаются выводы по Части II (§8).

В древнерусский период (XI–XV вв.) *общество* входит в обширное словообразовательное гнездо, представленное разными частями речи. Слова с корнем *-общ-* могут обозначать целостную семантико-номинативную единицу (*общий враг* в древнерусских летописях – враг всех христиан, т.е. дьявол) или соединять участников «общности» (*общий враг* – вне религиозного дискурса – метафорическая номинация «поганных»: ‘все для кого это «враг», объединены общностью’). Эти два типа значения по-разному соотносятся с временным параметром. В первом случае представлена атемпоральность (связь-общность ‘все христиане’ константна) и темпоральность (*что* связывается этим отношением в каждом отдельном случае – момент установления такой связи). Подвижность значения относительно временной оси – сущностная характеристика семантики этого корня. Отсюда лабильный характер вырабатываемых языком типов «общности».

Итак, одно возможное направление семантических сдвигов в словах с корнем *-общ-* связано с временным параметром. Другое направление — актуализация идеи *состава* общности и экспликация отношений, входящих в этот состав. Это может быть конкретное название «участников» (*обще*

празднованье небесных и земных силъ) или генерализация (*съставляется общение написаное и ненаписаное межю двема и межю болишими, внегда каждо ею равным*): а) общность образуется при количестве участников >1; б) отношения участников — это отношение равенства.

Схема круга – базовая когнитивная схема (мыслительное начертание), лежащая в основе значения общности. Она означает ментальное очерчивание кругом тех, кто, например, находится в одной ситуации (*общетрапезнь*) и т.д. Схема круга подразумевает наличие точки зрения, с которой осуществляется это выделение, то есть позицию наблюдателя (могущей быть актуализованной или неактуализованной). Когнитивную схему «круг» и позицию наблюдателя мы называем термином А.А. Потебни «представление» («Знак в слове есть замена соответствующего образа или понятия; он есть представитель того или другого в текущих делах мысли, а потому называется представлением»²⁴, представление - это «основание сравнения в слове»²⁵.

Развивая далее терминологию А.А. Потебни, мы предлагаем различать полное (заявлена позиция наблюдателя) и неполное представление. Динамика семантических преобразований заложена в неполных представлениях. Это легко увидеть, если расположить выделенные параметры в виде таблицы, отмечая характерность (+) или нехарактерность (-) того или иного признака двум видам представлений слова *общество*:

представл. хар-ки	полное	неполное
состав	+	–
временная локализованность	–	–
инклюзивность	–	+
эксклюзивность	–	+
семантический субъект действия	–	+

Слово *общество* характеризуется неполным представлением, и этим определяется динамический потенциал его семантики - большинство

²⁴ Потебня А.А. Введение // Из записок по русской грамматике. Т. 1. М., 1958. – С. 18.

²⁵ Там же. – С. 19.

выделенных в таблице 1 характеристик получают положительную маркировку. Преодоление неполной структуры представления происходит через инклюзивность («я» внутри схемы круга 'общество'), и в этом случае происходит актуализация состава общества. Другой способ достраивания до полноты структуры представления — реализация позиции наблюдателя через эксклюзивность («я» вне схемы круга 'общество'). Актуализации состава при этом не происходит (по этому признаку неполнота не преодолевается), однако слово получает возможность быть агенсом в пропозиции — т.е. приходит к современному типу употреблений (*общество* + Praed.) Как полному, так и неполному представлению присуща временная нелокализованность. Это означает, что каждый вновь очерченный круг «общности» мыслится как неизменный во времени (изменения приводят к очерчиванию иного, нового круга). На основании этих наблюдений можно выдвинуть алгоритм семантической динамики слова *общество*.

Шаг 1: Семантическая динамика слова *общество* состоит в тенденции преодоления неполноты представления через эксклюзивность, при этом актуализации состава общности не происходит, а свойство временной нелокализованности остается неизменным.

Такие изменения приводят к употреблениям типа: *ослабление общества, третий чин – душа общества, мысли общества, служу обществу* и др.

Общество получает импульс к перестройке своей семантической структуры в «неофициальном» политическом языке XVIII в. Типологию этих значений можно определить, оперируя понятием концептуальной схемы (Дж. Лакофф²⁶).

Воплощаются следующие концептуальные схемы: «вместилище» (*мы в обществе живем*), «отношение, связь» (*общество благородных*), «человек»

²⁶ См. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004; Lakoff J., Turner M. More than Cool Reason. A field guide to poetic metaphor. University of Chicago Press, 1989.

(*страждущее общество*). Каждая из схем обладает прототипическими и периферийными средствами выражения. В последнем случае происходит совмещение двух и более концептуальных схем (*Все почти общество безрассудно покупает* – «вместилище» + «человек»).

Социально-политическое значение проявляется на структурном уровне в тексте «Русской правды» П.И. Пестеля, где конструкция типа *Члены всякого общества могут единодушно согласиться в цели* сочетает в себе возможности двух путей преодоления неполноты – инклюзивности (актуализован параметр ‘состав’ – *члены общества*) и эксклюзивности (отстраненная позиция наблюдателя – ср. *всякое общество*). При этом слово *гражданин* появляется как семантический дериват от конструкции *гражданское общество* (эксклюзивность, параметр ‘состав’ – *граждане*).

Далее формулируется второй шаг алгоритма, объясняющий формирование социально-политического значения слова *общество*:

Шаг 2: Социально-политическое значение слова *общество* — это значение, возникающее при абсолютном (по максимальному набору параметров) преодолении неполноты структуры представления. Это означает, что неполнота представления преодолевается через эксклюзивность, сопровождающуюся актуализацией параметра ‘состав’ и временного параметра, и *общество* предстает как нерасчлененная единица с определенным, неизменным, однородным составом — *сословие граждан*.

В **Заключении** подводятся основные итоги работы и намечаются дальнейшие перспективы изучения исторической семантики социально-политических терминов. Результаты диссертационного исследования подтверждают целесообразность оперирования термином «темпоральная семантика» и адаптации идей направления *Begriffsgeschichte* к лингвистическому анализу семантических историй слов *гражданин* и *общество*.

Исследование темпоральной семантики слов *гражданин* и *общество* позволило получить качественно новые сведения об истории этих слов, выявить

собственно-языковую логику ее разворачивания во времени «лингвистических событий», преодолеть идеологически и методологически тупиковую тенденцию описания семантических изменений как результата действия «внешних» и «внутренних» факторов.

В проведенном анализе слово рассматривается как «объективный исторический факт» (В.В. Виноградов), как самоценный предмет исследования. Поэтому качественный подход превалирует над количественным (статистические данные не являются валидными для анализа). Напротив, равновалидными признаны как тексты, имевшие широкое распространение («Наказ» Екатерины II), так и менее распространенные (публицистические статьи интеллектуалов) и характеризующиеся «темпоральной неповторимостью» (Р. Козеллек) источники – дневники, письма, мемуары. Все эти источники являются факторами создания темпоральной структуры слова: реализованные семантические возможности образуют «область опыта», а потенциальные – «горизонт ожидания».

Библиография состоит из разделов «Статьи и монографии», «Словари», «Источники» и включает в себя работы на русском, французском и английском языках.

По теме диссертации были опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. **Русский социально-политический язык второй половины XVIII-начала XIXв. // Филоlogos. Вып. 3 (26), 2015. – С. 32–37. (0,4 п.л.)**
2. **Слово и понятие “гражданин” в русском языке XVIII в. (К вопросу о лингвистической основе истории понятий) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2015. № 1 (41). – С. 18-38. (1,5 п.л.)**
3. **Русский социально-политический язык: «Наказ» Екатерины II // Вестник Московского университета. Серия 21. «Управление» (государство и общество). №1, 2015. – С. 3-13. (0,6 п.л.)**

Публикации в других изданиях:

4. Семантико-синтаксический подход в исторической лексикологии // Материалы IV Межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики». 20-21 апреля 2015 года. СПб., 2015. – С. 32-34. (0,2 п.л.)
5. Темпоральная семантика слова “общество” // Социологическое обозрение. Т.14, № 1, 2015. – С. 68-104. (2,2 п.л.)
6. Темпоральная структура понятия "общество" // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М., 2014. (0,1 п.л.).
7. К истории русского социально-политического словаря: "Наказ" Екатерины II // V Международный конгресс "Русский язык: исторические судьбы и современность". Труды и материалы. М., 2014. [Электронный ресурс, оптический диск]. (0,1 п.л.)
8. Метод Begriffsgeschichte в лингвистике // Русская филология. Вып.25. Тарту, 2014. – С. 366-369. (0,7 п.л.)
9. К вопросу о формировании русского социально-политического словаря (Эволюция понятия общество) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М., 2013. (0,1 п.л.)